

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов

ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ — ОТЕЦ ГОРОДОВ РУССКИХ

Старик Владимир требователен к своим гостям: путь к сердцу города осилит идущий. В самом прямом смысле: как бы вы ни приехали сюда — поездом ли, автобусом, чтобы добраться до древних соборов, надо пройтись ногами, вверх до самой кручи широкоплечего холма. И даже изнеженным автомобилистам придётся на время забыть о комфорте: по всей Соборной площади как есть запрещена парковка, так что — в сторону, за версту, в переулки, а потом всё равно пешком, пешком. Туда, где поднимается резное белокаменное чудо, откуда есть пошла Северо-Восточная Русь и современная Россия.

Лучше, чем в Киеве

Соборная площадь. Дворянское собрание, мужская гимназия и памятник 850-летию города.

Эти соборы — не просто памятники архитектуры, они еще и символ русской государственности, куда более древний и национальный, чем московско-итальянский кремль. Символ слегка запылился в эпоху «братства народов», но ныне, когда Киевская Русь приватизирована украинской офици-

КУЛЬТУРА

альной историографией, он вновь обретает исконное значение. Древние князья, ставившие эти соборы, наверняка не глядели так далеко; но цель перещеголять дряхлеющую мать городов русских они, безусловно, преследовали.

Когда беспокойный Юрий Долгорукий осуществил, наконец, свою мечту и утвердился в Киеве, сыну его Андрею, будущему Боголюбскому, казалось бы, обеспечены были и карьера, и наследство. Но под сенью Софии тому не сиделось, и в 1155 году уехал Андрей из пафосного Вышгорода в провинциальную глушь, в дальнее суздальское ополье. И не просто уехал, а увез с собой чудотворную икону Богородицы — выражаясь неполиткорректным языком, князь её из Вышгорода украл. Как-то ночью Пречистая Дева явилась Андрею во сне и велела оставить образ во Владимире-на-Клязьме. Так на Руси, отныне уже не Киевской, появилась икона Божией Матери Владимирской, а заодно и новая столица.

Отражением божественной и княжьей воли стал Успенский собор «о пяти верхах», заложенный в 1158 году и законченный в два года. Храм превзошел высотой Софию Киевскую, а на его содержание князь Андрей выделил десятую часть своего дохода, как в киевской же Десятинной церкви.

Со времен Татищева гуляет сказ о том, что строили Успенский собор якобы зарубежные мастера, «из умных земель», аж от самого Фридриха Барбароссы; однако это то ли не совсем так, то ли совсем не так. Из Лаврентьевской летописи узнаем: «создана бысть церкви святая Богородица в Володимере благоверным и боголюбивым князем Андреем... по вере же его, и по тщанью его к святеи Богородице, приведе ему Бог из всех земель все мастера и украси ю паче инех церквий». Так что специалисты Ры-

Величественный Успенский собор. Реставраторы, воссоздававшие облик древнего храма, позднюю колокольню всё-таки оставили – уж очень хороша.

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов
Владимир-на-Клязьме — отец городов русских

жебородого, судя по всему, помогали в отделке храма, а строили его всё же наши зодчие, русские.

Кстати, и младшему брату Андрея, Всеволоду Большое Гнездо, унаследовавшему великокняжеский престол, не потребовалось никаких иностранных мастеров, чтобы возвести новый храм. Старый пережил своего создателя на одиннадцать лет и рухнул, не выдержав пожара 1185 года. Обновлённый Успенский собор в общих чертах повторял прежний, но был ещё больше. Таким он перенёс новый страшный пожар — тот самый, во времена Батыева нашествия 1238 года, когда в этих стенах задохнулись в дыму искавшие спасения горожане и семья великого князя Юрия Всеволодовича. Таким храм стоит и поныне, несмотря на принимавшиеся попытки приспособить древнее строение к вычурным вкусам века восемнадцатого. Тогда собору растесали окна (старинные узкие показались мрачноватыми), поставили зачем-то примитивную четырёхскатную кровлю, в 1810 году пристроили колокольню. Реставраторы конца XIX века пресекли издевательства и вернули телу храма первоначальный облик. Колокольню, как сооружение выдающееся, оставили.

Символы власти

Одноглавый Дмитриевский собор смотрится «младшим братом» Успенского. Да, по сути, он таков и есть. Возводился в самом конце XII столетия всё тем же Всеволодом Большое Гнездо как дворцовый храм, соответственно, значительно меньше Успенского собора, но украшен богаче. Удивительная резьба Дмитриевского по сей день радует глаз. В кружеве из белокаменных зверей и трав древние мастера вытесали государей бывших и современных — для них, разумеется: самого Всеволода, библейского Давида (в данном случае еще и политический символ: Большое Гнездо ненавязчиво так поставил себя «на одну доску» с мудрым ветхозаветным царем, из рода которого происходит Христос), и... Александра Македонского. Видеть изображение царя-язычника на христианском храме неискушенному зрителю непривычно, но в Средние века благодаря греческому сочинению «История Александра Великого», у нас известного как «Александрия», Македонский был в чести и в Европе, и на Руси; истории о нем были не менее популярны, чем каноническая агиография,

КУЛЬТУРА

и более интересны, чем сказки о песиголовцах Гипербореи. Конечно, изображение вершителя судеб древнего мира на стене Дмитриевского собора — это тоже дань политике. Хотя зоркий глаз любителя античности может разглядеть в хитросплетениях резьбы еще и... Геракла, да-да, самого натурального Геракла, побивающего непохожую на себя лернейскую гидру и стреляющего из лука в стимфалийских птиц.

Между двумя соборами в зелёном парке красуется большое жёлтое здание. Ему больше двухсот лет, и в народе его не совсем корректно называют «Палаты». На самом деле это Присутственные места. Возвести их на этом месте было решено согласно Плану губернского города Владимира 1781 года. Строительство поручили известному архитектору Карлу Бланку — автору шатра Воскресенского храма в Ново-Иерусалимском монастыре, павильона в усадьбе Кусково и других выдающихся сооружений.

Возведение здания «начало свое возымело» в сентябре-декабре 1785 года, а закончилось через пять лет. После торжественного молебна и окропления здания святой водой губернатор лично ввел чиновников в корпус. По «Описанию города Владимира» 1801 года новое детище К. Бланка выглядело так: «Огромный каменный о трёх этажах дом, из коих в нижнем помещены губернские и уездные казначейства и при них для хранения денежной казны кладовые ордонанс-гаус, градская полиция, нижний земский суд, архивы губернского правления и казённой палаты, в среднем — губернское правление, казённая палата, приказ общественного призрения, а в верхнем — уездный суд, городской магистрат, губернская и обер-форшмейстерская чертёжная».

В советское время Присутственные места сохранили своё «чиновничье» назначение. Кабинеты, которые до революции назы-

Дмитриевский собор.

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов
Владимир-на-Клязьме — отец городов русских

вали «камерами», заняли сотрудники областного исполкома. К 1989 году в Палатах «квартировались» 64 организации со штатом более шестисот человек...

Необыкновенный музей

Всё изменилось в начале девяностых. На волне возрождения веры Владимиро-Суздальский музей-заповедник передал церкви несколько храмов, вывезя оттуда экспонаты и имущество. Тогда же было построено новое здание администрации, а освободившиеся Присутственные места решили отдать музею — в благодарность за церкви. Уже через пять лет здание распахнуло свои двери не для просителей, а для тех, кто готов на несколько часов отправиться в путешествие во времени...

«Несколько часов» — это вовсе не преувеличение. Если нет их в запасе, наверное, лучше в Присутственные места не соваться — только впечатление испортишь. Но когда внутри — время летит незаметно. Кто тут останется равнодушным? На верхнем этаже постоянно сменяют друг друга новые выставки — владимирцы обмениваются с музеями-побратимами Золотого кольца. Ценителям живописи — на второй этаж. При входе по телу бегут мурашки — и вовсе не от кондиционера, который, в соответствии с температурным режимом, поддерживает в зале холодок: дух захватывает от того, что перед вами — огромные древние иконы, в

Фрагмент экспозиции «Минувших дней очарованье».

том числе бесценные шедевры Андрея Рублёва. В картинной галерее — более трёхсот полотен, в том числе таких почтенных мастеров, как В. Тропинин, И. Шишкин, А. Саврасов, В. Васнецов, П. Кончаловский... Кстати, многие картины музей-заповедник приобрёл сам, на собственные деньги.

КУЛЬТУРА

Для любителей дворянской старины, изысканного быта благословенного XIX века — элегантная экспозиция «Минувших дней очарованье». Из отдельных экспонатов, как из кусочков мозаики, создан целый мир — с гостиными, будуарами, даже садовыми беседками! Каждый уголок дышит собственной жизнью, и манекены, которые редко увидишь в подобных экспозициях, только усиливают это ощущение остановившегося прекрасного мгновения. Хозяйка склонилась у прикрытого тканым экраном камина; холодная красавица засучала одна в большой гостиной; городская модница застыла в полушаге от входной двери, словно вспоминая — не забыла ли веер, с помощью которого можно подавать особые знаки кавалерам, или еще какую-нибудь обязательную мелочь. Строгую музейную академичность в сторону: классических табличек, дотошно рассказывающих посетителям, что есть что (длинные подписи мало кто читает, короткие блещут содержательностью, например: «Портсигар. XIX век»), здесь нет, вместо них — стихи русских поэтов о дворянских гнездах, о романтической юности, о родной природе...

А самым юным посетителям музея и подниматься никуда не надо. На первом этаже они могут пройтись... по улице старого города. Экспозиция «История в лицах» может показаться кому-то, на первый взгляд, наивной или «домотканой», пока не понимаешь, что эта искренняя, слегка наивная простота в ней и подкупает. В конце концов, любовь к своему городу, своей истории, своей Родине начинается с детства. А детей не заставишь любить сухие научные труды. А такую улочку, где музей органично срастается с игрой, где можно узнать о том, как печатались первые книги, посидеть за прялкой, попить чай у самовара и ласково потрепать по лысине прохожего пилигрима — сколько угодно.

И еще одна не столь заметная, но очень значительная особенность Владимирского музея. Здесь не берут деньги за фотографирование в залах. В наше время, когда иной раз даже в монастырях с фотографов настоятельно просят «пожертвования», это показалось настолько удивительным, что мы не могли не спросить — почему так. «Что Вы, — ответили нам, — сюда же люди смотреть приходят, хотят себе на память что-то оставить. Неудобно деньги брать».

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов
Владимир-на-Клязьме — отец городов русских

Скромная бывшая столица

Со смотровой площадки над Клязьминской поймой хорошо виден третий из владимирских соборов. Точнее, реплика древнего храма. Ещё точнее — реплика реплики. Старый храм Рождественского монастыря, основанного в XII веке во владимирском кремле, — ровесник Успенского и Дмитровского. Именно здесь была резиденция русских митрополитов — до переезда в Москву.

Прежде Рождественский собор был резным, похожим на Дмитровский. Ныне о древнем храме напоминает разве что форма барабана и главы.

И именно здесь почивали мощи Александра Невского — до переноса в Санкт-Петербург. А потом Владимир лишился и самого собора. Его снесло в 1930-м, обосновавшись в монастырских стенах, ОГПУ. Отметим, что чекисты взорвали не древний храм, а по тогдашним меркам новодел — в XIX веке Рождественский храм пережил странную «реставрацию», в ходе которой его... разобрали до фундамента и отстроили заново «почти как было». Так что сейчас собор монастыря фактически — это новодел на месте новодела. Старое здание напоминает ну очень отдалённо. А вот стены аутентичные — ОГПУ, как видно, они пригодились...

...Возвышение соседней Москвы нанесло по Владимиру роковой удар. Уехала светская власть, уехала духовная (резиденци-

КУЛЬТУРА

ей русских митрополитов город пробыл всего четверть века — с 1299 по 1325 год, до исторического переезда владыки Петра в Москву при князе Иване Калите). За властью потянулась и знать, и деловой люд земли Русской. Новая столица оказалась дочерью неблагодарной, Владимир потерялся в московской тени, вновь превратился в сугубо провинциальный город — это в самом-то сердце Руси! В 1880 году губернский статкомитет писал в своем ежегоднике: «Город Владимир, когда-то игравший немаловажную роль в русской истории, в настоящий момент, несмотря на некоторые следы своего величия в виде монументальных старинных построек, низошел на степень заурядных городов русских и представляет собой скромный административный центр»...

Зеркало этой жизни Владимира — главная улица, Большая Московская, о которой Н.Добролюбову когда-то говорили, что это «только одна улица порядочная» во всем городе. Здесь и строгий, зрелый классицизм Дворянского собрания, и не по статусу игривая краснокирпичная Гордума, и неочевидные торговые ряды, и вставные зубы эпохи атеизма на месте выковырянных храмов: «советская» блинная на месте Пятницкой церкви и уже «модернизировавшийся» салон связи вместо Николая Златовратского. Ну, и сами Золотые ворота, венчающие улицу — как напоминание, что находимся мы все-таки не в провинции, а в гостях у отца городов русских.

Памятник стойкости

Именно Золотым воротам суждено было стать символом Владимира. Широко известно, что построены они при Андрее Боголюбском в 1164 году. Менее широко известно, что от тех времен сохранилась только собственно проездная арка с перемычкой и коренастыми боковыми пилонами. Впрочем, даже перестроенное, это монументальное сооружение выглядит выигрышно по сравнению с не самой удачной реконструкцией киевских Золотых ворот. Замысел князя Андрея превзойти Киев удался...

То, что Золотые ворота дошли до наших дней, можно считать едва ли не чудом. Судите сами: в 1238 году их штурмовал Батый, но проломить не смог — захватчики ворвались в город чуть южнее, у Спасо-Никольской церкви; в XVI – XVII веках двести лет стояли в состоянии предаварийном — выстояли и дождались ремонта; в 1767 году в воротах позорно застряла карета самой ма-

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов
Владимир-на-Клязьме — отец городов русских

тушки Екатерины — пережили и монарший гнев, пришлось лишь пожертвовать несколькими метрами вала, устроить вокруг архитектурного памятника объезд... Да и в советское время, когда церковь, лишь чуть-чуть выступавшая за красную линию улицы, могла сразу считаться обреченной (пресловутая формулировка «создаёт помехи движению», желчно высмеянная М.Зоценко), Золотые ворота с храмом наверху, стоящие прямо посреди главной улицы, никто не тронул. Так и стоят уже без малого 850 лет, величественным видом своим показывая: старик Владимир не то ещё переживёт, не то преодолеет.

Сохранился и участок вала, спускающийся от площади к Клязьме. На нём, как и сто лет назад, любят прогуливаться горожане и гости. На картах и в текстах его именуют «Козлов вал», это стало уже официальным названием. Что представляет собой редчайший парадокс: сооружение, названное не в честь строителя, а в честь... разрушителя. В XVIII веке некто «посадский человек Алексей Козлов» имел на валах... сад. Самое обычное приусадебное хозяйство. И, ковыряясь в земле, вольно или невольно подрывал исторический памятник. Садовода-любителя, конечно, привлекли куда в те времена следовало, вот только поделаться ничего не смогли — Козлов доказал, что приобрёл земельный участок с уже существующим садом, заплатил за него деньги и ликвидировать потому не обязан. Неприкосновенность частной собственности победила, а к валу прикрепилось прозвище, надолго пережившее скандального посадского человека...

С птичьего полёта

На Козловом валу стоит прянично-сказочная башенка-теремок. Изначальное её предназначение, впрочем, было вполне прозаическим — это водонапорная башня. Вообще, владимирский водопровод — это целая история. Проводили его в шестидесятые годы XIX века, и изначально экономные «рационализаторы» планировали не строить новое здание, а сподобить под резервуар... Золотые ворота. Как ни прискорбно это сознавать, спасти памятник от столь грубого вмешательства смогла только трагедия — на этапе земляных работ «рационализаторы» что-то недоучли по грунту, и нескольких рабочих завалило. Тогда решили не экономить за счет жизней людей и построить новую

Вид на Владимир с водонапорной башни. На переднем плане – Спасо-Никольская церковь, где-то здесь в город ворвались полчища Батия.

башню. Самая высокая точка Козлова вала пришлась как нельзя кстати. Изначально авторам проекта был немец К. Дилль, но свои мастера владимирцам всегда были ближе германских, и в 1912 году башенка приняла нынешний вид «мультиязычной крепости» в соответствии с художественными вкусами городского архитектора С. Жарова.

Сейчас здесь музей. И тоже необычный — выставка «Старый Владимир». Таким город был на рубеже XIX – XX веков. Здесь тоже нет скучноватых пояснительных текстов — о городе рассказывают сами горожане, экспонаты, афиши, фотографии, газеты, реклама, документы, вещи... Вообще, описывать «Старый Владимир» — дело неблагодарное. Музей настолько выстроен, что называется, «на ощущениях», что только ощущениями его и можно воспринимать. Воссозданные церковная лавка, витрина магазина, трактирная стойка живо создают портрет города той эпохи. А сравнить то, что было, с тем, что есть, сейчас можно не отходя далеко — достаточно подняться на смотровую площадку водонапорной башни.

Отсюда Владимир виден целиком. И даже больше, чем хотелось бы — слишком очевидны с высоты городские утраты и такие сомнительные «приобретения», как заслоняющие горизонт промышленные громады и типовые жилые кварталы вперемешку с «творениями» нынешних бизнес-архитекторов. Приходит-

Наталья Емельянова, Григорий Емельянов
Владимир-на-Клязьме — отец городов русских

ся мысленно отшелушивать лишнее, проводить черту в том месте, где за древним городом встает современность, словно не к месту поставленная театральная декорация. Границу «настоящего» города хорошо видно по богато разлившейся в историческом центре зелени деревьев. И шлемовидные главы, как стражи этой границы. Справа — золото, Успенский собор. Слева — чёрная, Княгинин монастырь.

История смирения и возрождения

Эту удивительную женскую обитель основал в 1200 году Всеволод Большое Гнездо для своей жены Марии Шваровны. Согласия между историками о её происхождении нет: одни говорят, что она была дочерью чешского князя, другие — что осетинского. Так или иначе, Мария была верной сподвижницей своему супругу и матерью двенадцати детей! О постриге княгиня задумалась во время болезни и, приняв в иночестве имя Марфы, стала образцом святости, учила жить в дружбе и мире, утешала страждущих и снискала такую любовь к себе, что хоронили её, по воспоминаниям летописцев, «с рыданием и плачем великим над нею». С тех пор Княгинин монастырь стал традиционным местом погребения княгинь и княжон. Кроме самой Марии-Марфы, здесь покоятся её сестра и дочь, жена и дочь Александра Невского... Сюда же были перенесены и мощи почитаемого владимирского чудотворца Авраамия Болгарского.

В последующие годы судьба Княгинина монастыря складывалась непросто — он горел в пожарах, его разоряли татары. Менялись цари, менялось и отношение к монастырю: Иван Грозный, Михаил Фёдорович и Алексей Михайлович жертвовали обители большие суммы, а вот Пётр I и Екатерина II её особо не жаловали. Возрождение монастыря началось лишь в конце XIX века, вместе с традициями милосердия, сострадания и заботы о бедных: в 1870-х годах там открывают больницу, а в 1880-х — школу рукоделия для девочек.

А потом, после революции, в лихие двадцатые годы Княгинин не избежал участи сотен других обителей — его закрыли, в кельи, говорят, заселили работников партаппарата, имущество разграбили, кладбище уничтожили. Сам монастырь надолго превратился в «посёлок имени Воровского». По злой иронии

КУЛЬТУРА

судьбы, революционер Вацлав Воровский был одним из инициаторов гонений на Православную церковь... И даже перестроечные восьмидесятые внесли свою антирелигиозную лепту — за два года до тысячелетия крещения Руси в монастыре открыли... атеистический музей. Действующей древняя обитель снова стала лишь в 1992 году. Через пять лет при ней открыли регентскую школу.